

А. Р. Иоаннисян

**По поводу моей книги „Россия и армянское
освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия,,**

Моя книга «Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия», изданная в 1947 г., посвящена актуальному вопросу о роли России в освободительном движении армян против иранских и турецких завоевателей и вопросу об исторических связях армянского и русского народов. Армянская буржуазная националистическая историография постоянно выдвигала и развивала тот лже-исторический тезис, что будто «русская ориентация» была пагубной для армян, что армяне всегда бывали обманутыми, что в XVIII столетии Россия использовала «армянский вопрос» лишь для оказания давления на персидских ханов, что «руссофильство» армян было причиной их бедствий. В противоположность этой националистической лжи, моя книга, на основании исторических фактов, показывает, что ориентация на Россию была для армянского народа единственно правильной и спасительной политической ориентацией, что во второй половине XVIII столетия русская дипломатия, исходя из экономических и политических интересов русского царизма, стремилась к освобождению армянских земель от персидского ига и что имевшее место, при активном содействии армян и других закавказских народов, присоединение Закавказья к России явилось и для армянского народа несомненным благом.

Однако, ознакомление с новейшими работами и исследованиями по истории азербайджанского народа убедило меня, в дальнейшем, что в моей книге имеется и ряд серьезных недостатков и ошибок, на которые я считаю необходимым указать.

Основной моей ошибкой является то, что в этой книге я по существу не критически воспроизвожу концепцию старой буржуазной историографии, делившей закавказские народы по религиозному признаку на христианские и мусульманские. Получается так, что в тяжелом положении под персидским игом находились лишь грузинский и армянский народы. Конечно, несомненно, что грузинский и армянский народы необычайно страдали от персов и турок. «Персидские и турецкие ассимиляторы — пишет товарищ Сталин в своем классическом труде «Национальный вопрос и ленинизм» — сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации» (И. В. Сталин. Сочинения, т. II, стр. 348). История свидетельствует, что и азербайджанский народ так же страдал от персидского ига и так же боролся против иноземных захватчиков, как и другие народы Закавказья. Поэтому моим долгом, как историка, являлось правильное освещение роли азербайджанского народа, как союзника ар-

мянского и грузинского народов в деле борьбы против персидских и турецких поработителей. Между тем, в моей книге об этом ничего не говорится. Создается поэтому впечатление, что азербайджанский народ целиком растворялся в то время в мусульманском мире и что он мною идентифицируется с персами и, следовательно, противопоставляется христианскому населению Закавказья—армянам и грузинам.

Из этой основной ошибки неизбежно проистекала и другая—в оценке взаимоотношений закавказских народов с Россией. В моей книге подробно говорится об ориентации армянского народа на Россию, а также об аналогичной ориентации и аналогичных политических стремлениях грузин. Но в ней ничего не говорится о том, что азербайджанский народ также тяготел к России и стремился при помощи русских освободиться от тяжелого ига. Между тем, это исторический факт, о котором я в своей книге не имел право умалчивать.

О политических настроениях азербайджанского народа в тот период свидетельствуют, в частности, даже те документы, которые приведены и опубликованы в моей же книге. Так, например, я привожу следующую выдержку из донесения русского консула в Иране Тумановского от 25 сентября 1780 г. «Слух и молва по всей Персии, что российские войска собираются туда итти, от чего владельцы по близости к здешним местам, как-то шемхал, уцмей и протчие благосклоннее, а особливо фетали-хан Дербендский отзывается, что он по преданности его к России о приходе войск в Персию весьма рад, да и весь тамошний народ, начиная от Дербенда и Гилянской провинции, персиане, купечество и земледельцы (кроме тех, которые какую-либо власть имеют), а особливо армяне все генерально говорят, что оне с великою радостью ждуд нетерпеливо российских войск и как скоро вступят в пределы тамошние, то все вышесписанные места без всякого супротивления будут покорными, потому что подвластный народ от начальников своих в несносном изнурении, терпят великое разорение и пришли в крайнюю бедность, а с приходом российских войск полагают надежду избавиться от несносного ига» (стр. 30—31). Как видим, не только армяне, но и азербайджанцы с радостью ожидали прихода русских войск и надеялись при помощи русских избавиться от «несносного ига». В другом месте я привожу следующую выдержку из донесения другого русского агента: «Черный (т. е. простой) народ от Дербента до Баку и Салиана неведомо почему прослыша радуется бытию в Персии российских войск, ждя чрез то тишины от междоусобий» (стр. 71). Здесь прямо говорится о том, что простой народ от Дербента до Баку, т. е. местное азербайджанское население радуется прибытию русских войск.

Следовательно даже приводимые мною документы свидетельствуют о том, что азербайджанский народ, не менее, чем армянский и грузинский народы, ориентировался на Россию, тяготел к России и ждал от русских своего избавления. А подобных документов и данных имеется множество. Моей прямой обязанностью, как историка, было их изучить и широко использовать в своей работе. Между тем я не сделал даже эле-

ментарной вещи. Я не сделал необходимых выводов даже из тех документов, которые я сам же привожу. Я нигде не говорю, что все имеющиеся там сведения свидетельствуют о том, что не только грузины и армяне, но также и азербайджанцы боролись совместно против турецко-персидских захватчиков и обращали свои взоры к России. Я должен был строго отграничить азербайджанцев от персов. Между тем, я настолько пренебрег этим в своей книге, что даже не поясняю, что «персы», упоминаемые, например, в приведенном выше донесении Тумановского, ни кто иные, как азербайджанцы.

Моя ошибка усугубляется еще тем, что, ничего не говоря о политических настроениях азербайджанского народа, я в то же время подробно говорю о протурецкой ориентации закавказских ханов, в том числе и ханов азербайджанского происхождения. Конечно, ни в коем случае нельзя отождествлять ханов с азербайджанским народом. Но поскольку в своей книге я не упоминаю об азербайджанском народе, то создается впечатление, что протурецкую ориентацию отдельных ханов я приписываю всему азербайджанскому народу в целом. Так, например, излагая планы Потемкина, я пишу: «Планы эти, пользовавшиеся поддержкой коллеги иностранных дел, исходили из политических интересов России, предписывавших создание в Закавказье надежных форпостов против Ирана и Турции, не в виде вассальных мусульманских ханств, всегда готовых при удобном случае переметнуться на сторону турок, а в виде прочно связанных с Россией христианских государств Грузии и Армении» (стр. 74—75). Получается, таким образом, что лишь христианские Грузия и Армения могли быть прочной опорой России в Закавказье, а мусульманские ханства с их азербайджанским населением неизбежно тяготели к Турции. Таково действительно было убеждение Потемкина и других царских сановников того времени. Однако, излагая их планы, я должен был не солидаризироваться с их идеями, как это я фактически делал в своей книге, а наоборот, разоблачить их истинную сущность. Исторические же данные свидетельствуют о том, что и азербайджанское население Закавказья, подобно армянам и грузинам, могло стать и действительно стало прочной опорой России в Закавказье против Турции и Персии и что мусульманская религия азербайджанцев не играла и не могла играть при этом существенной роли. Утверждать обратное—это значит играть на руку буржуазной лже-науке.

Следовало поэтому ясно и четко противопоставить политические настроения и симпатии азербайджанских народных масс, тяготевших к России, протурецкой ориентации некоторых ханов. Но и в этом последнем вопросе я допускаю существенную ошибку. Ошибка эта заключается в том, что я не проявляю дифференцированного подхода к отдельным ханам, не вижу никакого различия между ними, а всех их поголовно изображаю, как персидских ставленников, реакционеров и сторонников Турции. Между тем это тоже не соответствует исторической действительности. Я не смог уяснить той существенной разницы, которая имелаась между ханами, владевшими армянскими областями и поработавшими

армянское население, и между ханами азербайджанского происхождения, правившими в азербайджанских областях. Как известно, во второй половине XVIII столетия центральная власть в Иране значительно ослабела и отдельные ханства, в том числе и закавказские ханства, стали фактически полунезависимыми. Среди них имелись и азербайджанские ханства, во главе которых стояли ханы азербайджанского происхождения, стремившиеся консолидировать свои владения и окончательно освободиться от персидской зависимости и в этих целях заручиться содействием и поддержкой России. Поэтому ханы эти играли объективно исторически прогрессивную роль.

К их числу относится, в первую очередь, кубинский или дербентский Фатали-хан. Опубликованные за последние годы работы азербайджанских историков, основанные на большом фактическом материале, дают возможность правильно оценить его деятельность. Фатали-хан пытался объединить под своей властью азербайджанские земли и ему действительно удалось объединить значительную часть Азербайджана. В состав его государства входили Дербентское, Бакинское, Салианское, Шемахинское, Талышское и др. ханства. Фатали-хан пытался консолидировать свое государство и окончательно отделить его от Персии. Стремясь к этому, он пытался установить дружественные отношения с Россией и опереться на великую северную державу. Вопреки домогательствам Турции, он не занял антирусской позиции во время русско-турецких войн. Он неоднократно отвергал турецкие предложения о союзе и даже отсылал назад подарки, которыми турецкие паши пытались склонить его на свою сторону. Повторно, в 1774 г., 1783 г., 1786 г. и 1787 г. он посылал посольства в Россию с просьбой принять его владения под протекторат России. Неоднократно сообщал он также русским и об антирусских интригах турок в Закавказье и всегда заверял русское правительство в своей преданности. «Я могу удостоверить,—писал он,—что во всю мою жизнь ни малейшего от меня в верности моей к стороне России упущения не будет. Всегда приятелям в сторону российскую буду я приятелем, а врагам враг».

Таким образом Фатали-хан являлся выдающимся азербайджанским деятелем второй половины XVIII столетия, пытавшимся консолидировать азербайджанские области в единое, независимое от Персии государство и поставить его под протекторат России. О русской ориентации Фатали-хана свидетельствует и ряд документов, приводимых в моей книге. Так, например, в упомянутом выше донесении Тумановского прямо говорится, что Фатали-хан «по преданности его к России о приходе войск в Персию весьма рад». Между тем, в самом тексте книги я всюду отзываюсь о Фатали-хане отрицательно, называю его персидским ханом, отождествляю его политическую позицию с политической позицией других ханов, объявляю и его сторонником турецкой ориентации, говорю о его двуличии и лицемерии в отношении России. Это в корне неверная оценка может привести и действительно приводит к самым отрицательным результатам. Получается, что я объявляю персидским ханом круп-

ного азербайджанского деятеля, стремившегося объединить азербайджанские земли в независимое от Персии государство. Подобное утверждение на руку только буржуазной лже-науке, пытавшейся вообще отрицать наличие у азербайджанского народа в прошлом какой-либо государственности.

Таким образом моя книга, благодаря отмеченным выше ошибкам, может создать ложное представление о том, что азербайджанцы, как мусульмане, представляли опору ирано-турецких завоевателей в Закавказье и что поведение отдельных ханов, ориентировавшихся на Иран и Турцию, являлось выражением настроений трудящихся масс азербайджанцев. Эти мои ошибки являются следствием того, что, пользуясь архивными материалами, перепиской царских чиновников и военных деятелей и представителей армянского духовенства, я не подошел критически к этим документам. Я не проявил обязательной для историка-марксиста критический подход к этим документам с точки зрения классовой принадлежности их авторов. Я не учел того, что авторы этих документов часто были заинтересованы преподнести события, происходившие в Закавказье, в выгодном для них освещении. Я не учел, в частности, того, что высокопоставленные царские сановники и чиновники были заинтересованы как в эту эпоху, так и в дальнейшем в противопоставлении друг другу отдельных народов Закавказья. Между тем, я в своей книге не только верю на слово всем этим документам и свидетельствам, но и широко цитирую их. Я привожу из них обширные выдержки и цитаты, или же подробно излагаю их содержание. А в этих документах речь обычно шла о порабощении «христиан» «мусульманами», о том, что «христиане» являются пленниками «мусульман» и т. п. Подробно цитируя и приводя все подобные высказывания, я тем самым фактически популяризирую то ложное противопоставление «христианского» населения Закавказья «мусульманскому» населению, которое было характерно для царских чиновников и армянских феодальных деятелей той эпохи. Я не понял, что благодаря такому пересказу документов моя книга, независимо от моих собственных высказываний и комментариев, неминуемо создает ложное представление о каком-то делении народов Закавказья по религиозному признаку на угнетенных и господствующих. Объективистски используя архивные документы, я, фактически, стал на объективистскую позицию в освещении исторических событий Закавказья конца XVIII века и повторил буржуазно-националистическую оценку борющихся сил освободительной борьбы закавказских народов, рассматривая их по признаку вероисповеданий.

Таким образом, хотя моя книга и освещает актуальный вопрос об армянском освободительном движении и армяно-русских отношениях в конце XVIII века, но отмеченные ошибки по существу резко снизили ее значение и привели меня фактически к буржуазно-националистической точке зрения в оценке освободительного движения народов Закавказья. Между тем я, как советский историк, всегда должен был помнить указания товарища Сталина, что существо уклона к местному национализму состоит «в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся мас-

сы нации СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга» (И. В. Сталин. Сочинения, т. XII, стр. 371). Я должен был поэтому не умалчивать, а наоборот, подробно говорить об общих интересах и совместной борьбе армянского и азербайджанского народов против иноземного ига и об общем для них тяготении к России. Моей прямой обязанностью является поэтому в своей дальнейшей научной деятельности выправить эти серьезные ошибки, и, совместно с другими историками закавказских республик, на конкретных исторических фактах показать дружбу всех народов Закавказья в прошлом и их совместную борьбу против иноземных захватчиков.